

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ

СТАНОВЛЕНИЕ
МОСКОВСКОЙ РУСИ

УДК 94(470)»1150/15»
ББК 63.3
С 60

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен.
Том четвертый. Текст приводится в сокращении

Соловьев С. М.
С 60 История России. Становление Московской Руси. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. —
304 с.: ил.
ISBN 978-5-373-02258-3

Сергей Михайлович Соловьев — один из самых выдающихся и плодотворных историков дореволюционной России. Его 29-томное исследование «История России с древнейших времен» — это не просто достойный вклад в сокровищницу отечественной и мировой исторической мысли, это практически подвиг ученого, равного которому не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после.

Книга «Становление Московской Руси» рассказывает о дальнейшем усилении Московского княжества в княжение Василия Дмитриевича и Василия II Темного.

Это подарочное иллюстрированное издание будет интересно не только историкам, но и широким кругам читателей.

УДК 94(470)»1150/15»
ББК 63.3

ISBN 978-5-373-02258-3

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5

КНЯЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА (1389–1425)

Присоединение к Москве княжества Нижегородского. — Столкновение великого князя с дядею Владимиром Андреевичем Донским. — Договоры великого князя с родными братьями. — Отношения к Новгороду Великому. — Внутренние движения в Новгороде. — Ссора Новгорода со Псковом. — Отношения Москвы к Рязани и Твери. — Усобицы между тверскими князьями. — Нашествие Эдигея на Москву. — Отношение великого князя к татарам после Эдигеева нашествия. — Отношения литовские: взятие Смоленска Витовтом; намерение Витовта овладеть Новгородом; битва Витовта с татарами на Ворскле; вторичное взятие Смоленска Витовтом; борьба московского князя с литовским и мир на Угре; взгляд летописца на литовские и татарские отношения. — Отношения Литвы к Польше и Тевтонскому ордену. — Борьба Пскова и Новгорода с Ливонским орденом. — Борьба Новгорода со шведами. — Смерть Василия Димитриевича. — Его духовные грамоты. — Бояре Василия

ГЛАВА ВТОРАЯ 38

КНЯЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТЕМНОГО (1425–1462)

Малолетство Василия Васильевича. — Новая усобица дяди с племянником. — Спор в Орде между ними. — Московский боярин Всеволожский. — Хан решает дело в пользу племянника Василия против дяди Юрия Димитриевича. — Отъезд боярина Всеволожского от великого князя к дяде его Юрию. — Возобновление борьбы между дядею и племянником. — Василий попадает в плен к Юрию. — Василий в Коломне. — Продолжение борьбы. — Смерть Юрия. — Василий утверждает в Москве. — Отношения Василия Васильевича к двоюродным братьям, сыновьям Юрия, Василию Косому и Димитрию Шемяке. — Ослепление Косого. — Отношения великого князя к другим удельным князьям. — Отношения татарские. — Плен великого князя у казанских татар и освобождение. — Шемяка овладевает Москвою, захватывает великого князя в Троицком монастыре и ослепляет. — Слепой Василий получает Вологду. — Движения его приверженцев, которые овладевают Москвою. — Продолжение борьбы Василия с Шемякою. — Деятельность духовенства в этой борьбе. — Смерть Шемяки. — Отношения великого князя к другим удельным князьям. — Отношения к Рязани и Твери. — Отношения к Новгороду и Пскову. — События в Литве, борьба ее с Польшею. — Отношения Литвы к Москве. — Татарские нашествия. — Борьба Новгорода и Пскова со шведами и немцами. — Смерть великого князя Василия; его духовная грамота; его приближенные

ГЛАВА ТРЕТЬЯ..... 97
ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ОТ КОНЧИНЫ
КНЯЗЯ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА ТОРОПЕЦКОГО ДО КОНЧИНЫ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТЕМНОГО (1228–1462)

Общий ход событий. — Причины усиления Московского княжества. — Московские волости. — Их судьба по княжеским завещаниям. — Способы их увеличения. — Границы их. — Перемены в отношениях между старшим и младшими князьями. — Положение женщины в роде княжеском. — Служebные князья. — Титулы княжеские. — Печати. — Посажение на стол. — Отношение к татарам. — Законодательная власть князя. — Финансы. — Богатство князей. — Жизнь русского князя на севере и юге. — Положение дружины. — Войско. — Характер войны. — Города. — Сельское народонаселение. — Казаки. — Бедствия политические и физические. — Торговля. — Деньги. — Искусство, ремесла. — Церковь. — Законодательные памятники. — Международное право. — Правы. — Обычаи. — Литература. — Летописи. — Общий ход русской истории до образования Московского государства

ГЛАВА ПЕРВАЯ

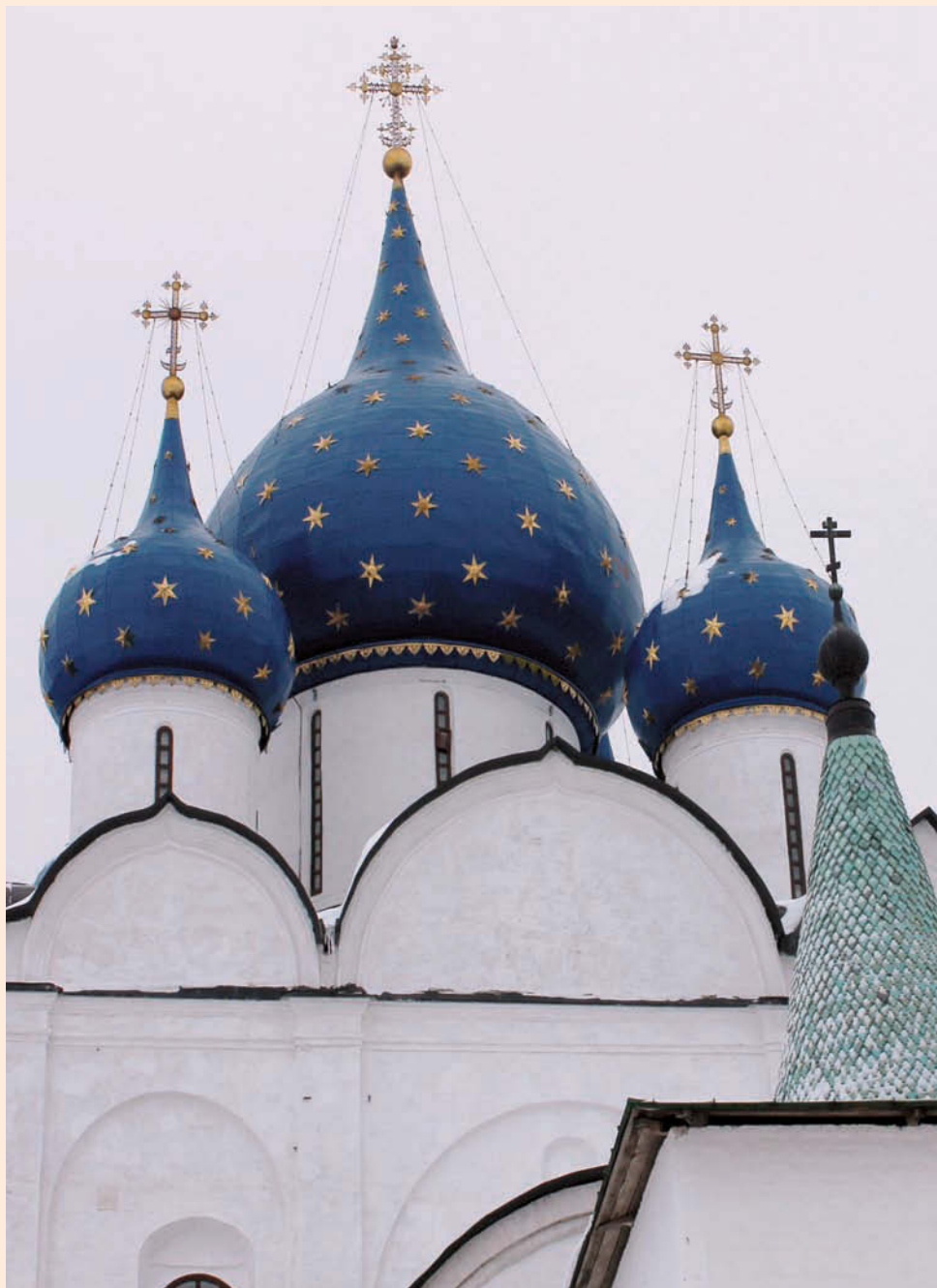

КНЯЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА (1389—1425)

Присоединение к Москве княжества Нижегородского. — Столкновение великого князя с дядею Владимиром Андреевичем Донским. — Договоры великого князя с родными братьями. — Отношения к Новгороду Великому. — Внутренние движения в Новгороде. — Ссора Новгорода со Псковом. — Отношения Москвы к Рязани и Твери. — Усобицы между тверскими князьями. — Нашествие Эдигея на Москву. — Отношение великого князя к татарам после Эдигеева нашествия. — Отношения литовские: взятие Смоленска Витовтом; намерение Витовта овладеть Новгородом; битва Витовта с татарами на Ворскле; вторичное взятие Смоленска Витовтом; борьба московского князя с литовским и мир на Угре; взгляд летописца на литовские и татарские отношения. — Отношения Литвы к Польше и Тевтонскому ордену. — Борьба Пскова и Новгорода с Ливонским орденом. — Борьба Новгорода со шведами. — Смерть Василия Димитриевича. — Его духовные грамоты. — Бояре Василия

Молодой сын Донского в самом начале княжения своего показал, что останется верен преданию отцовскому и дедовскому. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович. Услышав о замыслах Васильевых, Борис созвал к себе бояр своих и стал говорить им со слезами: «Господа и братья, бояре и друзья мои! Вспомните свое крестное целование, вспомните, как вы клялись мне». Старшим боярином у него был Василий Румянец, который и отвечал князю: «Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить». Так он говорил своему князю, а между тем пересылался с Василием Димитриевичем, обещаясь выдать ему Бориса. Василий на возвратном пути из Орды, отправил в Нижний Тохтамышева посла с своими боярами. Борис сначала не хотел

пускать их в город, но Румянец стал говорить ему: «Господин князь! Посол ханский и бояре московские идут сюда за тем, чтоб мир покрепить и любовь утвердить вечную, а ты сам хочешь поднять брань и рать; впусти их в город; что они могут тебе сделать? Мы все с тобою». Но только что посол и бояре въехали в город, как велели звонить в колокола, собрали народ и объявили ему, что Нижний принадлежит уже князю московскому. Борис, услышав об этой новости, послал за боярами и стал говорить им: «Господа мои и братья, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». На это отвечал ему тот же Румянец: «Господин князь! Не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». Борис был схвачен. Немного спустя приехал в Нижний Василий Димитриевич, посадил здесь своих наместников, а князя Бориса с женою, детьми и добротами велел развести в оковах по разным городам и держать за крепкою стражею. По тому же ярлыку кроме Нижнего Васи-

Суздаль. Рождественский собор Суздальского Кремля
(XII–XVI вв.) Современное фото

лий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу.

Но у Бориса нижегородского оставалось двое племянников — Василий и Семен Дмитриевичи, родные дядья по матери московскому князю; они оставались княжить в Суздальской волости, обхваченной теперь со всех сторон московскими владениями; но в 1394 году, тотчас по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его вследствие притеснений от московского князя, как шел слух, выбежали из Суздаля в Орду добиваться ярлыков на отчину свою — Нижний, Суздаль и Городец. Московский князь послал за ними погоню, но им удалось избежать ее и благополучно достигнуть Орды. В 1399 году князь Семен Дмитриевич вместе с татарским царевичем Ейтяком, у которого было 1000 человек войска, подступил к Нижнему Новгороду, где затворились трое московских воевод; три дня бились татары под городом, и много людей пало от стрел, наконец нижегородцы сдали город, взявши с татар клятву, что они не будут ни грабить христиан, ни брать в плен. Но татары нарушили клятву, ограбили всех русских донага, а князь Семен говорил: «Не я обманул, а татары; я в них не волен, я с ними ничего не могу сделать». Две недели пробыли татары в Нижнем с Семеном, но потом, услышавши, что московский князь собирается на них с войском, убежали в Орду. Василий Дмитриевич послал большую рать с братом своим князем Юрием, воеводами и старшими боярами; они вошли в Болгарию, взяли города: Болгары, Жукотин, Казань, Кременчук, в три месяца повоевали всю землю и возвратились домой с большою добычею.

После этого Семен крлся все в татарских местах, не отказываясь от надежды возвратить себе родовое владение. Это заставило московского князя в 1401 году

послать двоих воевод своих, Ивана Уду и Федора Глебовича, искать князя Семена, жену, детей, бояр его. В земле Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на месте, называемом Цыбирца. Княгиню ограбили и привели вместе с детьми в Москву, где она сидела на дворе Белеутове до тех пор, пока муж ее не прислал к великому князю с челобитьем и покорился ему. Василий дал ему опасную грамоту, получивши которую Семен приехал в Москву, заключил мир с великим князем, взял семейство и больной отправился в Вятку, издавна зависевшую от Суздальского княжества: здесь он через пять месяцев умер.

Этот князь, говорит летописец, испытал много напастей, претерпел много истомы в Орде и на Руси, все добываясь своей отчины; восемь лет не знал он покоя, служил в Орде четырем ханам, все поднимая рать на великого князя московского; не имел он своего пристанища, не знал покоя ногам своим — и все понапрасну. Брат Семенов, Василий, как видно, также помирился с великим князем московским, потому что под 1403 годом встречаем известие о смерти его, и в некоторых летописях он называется прямо князем городецким; но Василий не мог оставить Городец сыну своему Ивану, которого мы видим после в изгнании.

Неизвестно, каким образом освободились сыновья Бориса Константиновича — Иван и Даниил. Имеем, впрочем, право отнести к Ивану Борисовичу следующее место в договорной грамоте великого князя с дядею своим Владимиром Андреевичем: уступая дяде Городец с волостями, великий князь говорит: «А чем я пожаловал князя Ивана Борисовича, в то князю Владимиру и его детям не вступаться». Но в 1411 году встречаем уже известие о бое между сыновьями Борисовыми и князем Петром Ди-

митриевичем на Лыскове; изгнанники с союзниками своими остались победителями. В том же году князь Даниил Борисович, призвавши к себе татарского царевича Талыча, послал вместе с ним ко Владимиру тайно боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Даниилова подкрались к городу в полдень, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли их, людей побили множество. В соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священник Патрикий; он забрал сколько мог сосудов церковных и других вещей, снес все это в церковь, посадил там несколько людей, отбросил лестницы и стал молиться пред образом Богородицы. И вот татары прискакали к церкви, кричат по-русски, чтоб им ее отперли; ключарь стоит неподвижно перед образом и молится; татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы, ограбили всю церковь, а Патрикия схватили и стали пытаться: где осталась казна церковная и где люди, которые были с ним вместе? Ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу — Патрикий не сказал ни слова; тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту и таким образом умертвили. Весь город после того был пожжен и пограблен, жителей повели в плен; колокола растопились от пожара, город и окрестности наполнились трупами. В 1412 году Борисовичи успели выхлопотать себе в Орде ярлык на отчину свою; но один ярлык давно уже потерял значение на Руси, и в 1416 году приехали в Москву нижегородские князья Иван Васильевич, внук Дмитрия, и Иван Борисович, а сын последнего Иван приехал еще за два года перед тем; в следующем году явился и князь Даниил Борисович, но в 1418 году убежал отсюда опять вместе с братом Иваном. Дальнейших летописных известий о судьбе князей суздальских не встречаем; но

имеем право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что великий князь Василий в завещании своем ни слова не говорит о Суздале, отказывая сыну только два примысла свои — Нижний и Муром.

Утверждение нового порядка вещей не обошлось без сопротивлений и в самом роде князей московских: в первый же год княжения Василиева встречаем известие о ссоре великого князя с дядею Владимиром Андреевичем, который выехал из Москвы сперва в свой наследственный город Серпухов, а потом в новгородскую область, в Торжок. Но в начале следующего года находим уже известие о мире между дядею и племянником: Василий придал Владимиру к его отчине два города — Волок и Ржеву. Договор дошел до нас: великий князь выговаривает себе право посылать дядю в поход, и тот должен садиться на коня без послушания. Следующее условие показывает сильную недоверчивость между родственниками. «Если я, — говорит великий князь дяде, — сам сяду в осаде в городе (Москве), а тебя пошлю из города, то ты должен оставить при мне свою княгиню, своих детей и своих бояр; если же я тебя оставлю в городе, а сам поеду прочь, то я оставлю при тебе свою мать, своих братьев младших и бояр». Потом заключен был второй договор с Владимиром, по которому он уступил великому князю Волок и Ржеву и взял вместо них Городец, Углич, Козельск и некоторые другие места. Владимир обязался не вступаться в примыслы великого князя — Нижний Новгород, Муром, Мещеру и ни в какие другие места татарские и мордовские, которые были за дедом Василиевым Дмитрием Константиновичем и за ним самим. Владимир обязался в случае смерти великого князя признать старшим сына его, а своего внука, Ивана; здесь,

впрочем, выговорена небольшая перемена в отношениях. «Если, господин, — говорит Владимир, — будет сын твой на твоём месте и сядет сын твой на коня, то и мне с ним вместе садиться на коня; если же сын твой сам не сядет на коня, то и мне не садиться, а пошлет детей моих, то им сесть на коня без ослушанья». В 1410 году умер князь Владимир Андреевич. В завещании он разделил свою волость на пять частей по числу сыновей своих, которых вместе с княгиней своею и боярами приказал великому князю Василию с просьбою печаловаться об них; споры между сыновьями решает княгиня, мать их, и великий князь должен привести в исполнение приговор ее. В случае смерти одного из сыновей завещатель распорядился так: «Если не будет у него сына и останется дочь, то все дети мои брата своего дочь выдадут замуж, а брата своего уделом поделаются все поровну».

До нас дошли также договорные грамоты Василия Димитриевича с родными его братьями. Для объяснения последующих событий нужно заметить, что князья Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится. Подобно Юрию, и самый младший брат великокняжеский, Константин, не хотел сначала отказаться от прав своих в пользу племянника. Мы видели, что Константин родился незадолго до смерти отца, так что ему в духовной Донского не было назначено никакого удела, и Василий Димитриевич в первом завещании своем, распорядившись насчет родного сына, говорит: «А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему в удел Тошню да Устюжну по душевной грамоте отца нашего, великого князя». Но когда Василий в 1419 году потребовал от братьев, чтоб они

отреклись от прав своих на старшинство в пользу племянника, то Константин оказал явное сопротивление. Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин ушел в Новгород, убежище всех недовольных князей; однако скоро он уступил требованиям старшего брата и возвратился в Москву.

С Новгородом Великим началась у московского князя вражда в 1393 году. Давно уже новгородцы одним из главных условий своих с великими князьями ставили, чтоб не звать их к суду в Низовые города; в 1385 году они вздумали приобрести то же право и в отношении к суду церковному; посадник и тысяцкий созвали вече, где все укрепились крестным целованием не ходить в Москву на суд к митрополиту, а судиться у своих владык по закону греческому; написали об этом и утвержденную грамоту. Когда в 1391 году митрополит Киприан приехал в Новгород, то целые две недели уговаривал граждан разодрать эту грамоту. Новгородцы отвечали одними устами: «Целовали мы крест заодно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали». Митрополит говорил им на это: «Целование крестное с вас снимаю, у грамот печати порву, а вас благословляю и прощаю, только мне суд дайте, как было при прежних митрополитах». Новгородцы не послушались, и Киприан поехал от них с большим гневом. Московский князь, хорошо зная, что зависеть от митрополита значило зависеть от Москвы, не хотел позволить новгородцам отложиться от суда митрополичьего: примысливши Нижний Новгород, он послал сказать гражданам Великого, чтоб дали ему черный бор, заплатили все княжеские пошлины (княжчины) и чтоб отослали грамоту о суде к митрополиту, который снимет с них грех клятвopеступления. Новгородцы не согласились, и великий князь отправил дядю своего Владимира Андреевича

*Неизвестный художник. Портрет Витовта Великого
из монастыря августинцев в Бресте*

и брата Юрия с войском к Торжку. Новоторжцы побежали с женами и детьми в Новгород и другие места, и много народу из новгородских волостей сбежалось с домочадцами своими в Новгород. Князь Владимир и Юрий сели в Торжке, а рать распустили воевать новгородские волости; взяты были Волок Ламский и Вологда. Остальные жители Торжка возмутились и умертвили великокняжеского боярина Максима; но Василий послал перехватывать убийц, которые были привезены в Москву и казнены различными муками. Между тем новгородская охочая рать с двумя князьями и пятью своими воеводами начала воевать великокняжеские волости, взяла Кличен и Устюжню, а из Заволочья новгородцы с двинянами взяли Устюг. Много было кровопролития с обеих сторон, и новгородцы, не желая видеть большего кровопролития между христианами, отправили послов к великому князю с челобитьем о старине, а к митрополиту отослали грамоту целовальную; митрополит отвечал: «Я грамоту целовальную беру, грех с вас снимаю и благословляю вас». Великий князь также принял новгородское челобитье и взял мир по старине. Новгородцы дали князю черный бор по своим волостям, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что последний благословил их владыку и весь Новгород; те, за которыми были княжчины, поклялись не утаивать их.

Три года прошло мирно: в 1395 году митрополит Киприан приехал в Новгород вместе с послом патриаршим и запросил суда; новгородцы суда ему не дали, и, несмотря на то, при отъезде он благословил владыку Ивана и весь Великий Новгород. Но в 1397 году великий князь вдруг послал за Волок на Двину бояр своих, приказавши объявить всей Двинской свободе: «Чтоб вам задаться за великого князя, а от Новго-

рода бы отняться? Князь великий хочет вас от Новгорода оборонять, хочет стоять за вас». В дошедших до нас летописях выставлена одна причина такого поступка великокняжеского: Василий Димитриевич вместе с Витовтом литовским отправили послов своих к новгородцам с требованием разорвать мир с немцами; новгородцы не послушались князей и дали такой ответ в Москву: «Князь Василий! С тобою у нас мир, с Витовтом другой, с немцами третий». Но есть очень вероятное известие, что великий князь решился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношениях новгородцев с Витовтом литовским, который склонял их поддаться ему. Как бы то ни было, бояре двинские и все двиняне задалась за великого князя и целовали ему крест; но Василий не удовольствовался этим, послал войско захватить Волок Ламский, Торжок, Бежецкий Верх, Вологду, после чего сложил с себя крестное целование к Новгороду и крестную грамоту скинул. Новгородцы сделали то же самое, но хотели кончить дело миром, и когда митрополит прислал ко владыке, чтоб тот ехал в Москву по святительским делам, то вместе с архиепископом новгородцы отправили к великому князю послов своих: владыка подал великому князю благословение и доброе слово, а послы — челобитье от Новгорода. Но великий князь не принял ни благословения, ни доброго слова от владыки, ни челобитья от послов новгородских и мира не взял.

Тогда на следующий (1398) год, весной, новгородцы сказали своему господину владыке отцу Иоанну: «Не можем, господин отец, терпеть такого насилия от своего князя великого, Василия Димитриевича, что отнял у нас, у св. Софии и у Великого Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дедину, хотим поискать их», — и целовали крест все. Владыка Иоанн благословил сво-

их детей, и новгородцы с тремя воеводами отправились за Волок, на Двину, к городку Орлецу. На дороге встретил их вельский волостель владыкин, Исаия, и сказал: «Господа воеводы новгородские! Наехал князя великого боярин Андрей с двинянами на Софийскую волость Вель в самый велик день, волость св. Софии повоевали, а на головах окуп взяли; от великого князя приехал в засаду, на Двину, князь Федор ростовский городок беречь, судить и пошлины брать с новгородских волостей, а двинские воеводы, Иван да Конон, с своими друзьями волости новгородские и бояр новгородских поделили себе на части». Услышавши об этом, новгородские воеводы сказали друг другу: «Братья! Если так вздумал господин наш князь великий с клятвopеступниками двинскими воеводами, то лучше нам умереть за св. Софию, чем быть в обиде от своего великого князя», — и пошли на великокняжеские волости, на Белоозеро, взяли их на щит, повоевали и пожгли. Новгородцы захватили и Кубенские волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюг, где оставались четыре недели; отсюда двое воевод с детьми боярскими ходили к Галичу и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли новгородцы страшную; пленников отпустили на окуп, потому что уже лодьи не поднимали, и многое принуждены были бросить. С Устюга Двиною пошли новгородцы к городку Орлецу, стояли под ним четыре недели, но когда начали бить пороками, то двиняне вышли из городка с плачем, и воеводы, по новгородскому слову, приняли их челобитье, схватили только воевод заволоцких: одних казнили смертью, других сковали, у князя Федора ростовского взяли присуд и пошлины, которые он побрал, а самого с товарищами оставили в живых; у гостей великокняжеских взяли окупа 300 рублей; у двинян за их

вину взяли 2000 рублей да 3000 лошадей. С торжеством возвратилось новгородское войско домой, из 3000 человек потерявши только одного. Пленный воевода заволоцкий Иван Никитин как главный переветник скинут был с моста; братья его Герасим и Родион выпросили себе у Великого Новгорода жизнь с условием постричься в монахи; четвертый, Анфал, убежал с дороги; за ним погнался Яков Прокофьев с 700 человек и пригнал к Устюгу, где в то время был ростовский архиепископ Григорий и князь Юрий Андреевич; Яков спросил владыку Григория, князя Юрия и устюжан: «Стоите ли за беглеца новгородского Анфала?» Те отвечали, что не стоят. Тогда Яков пошел дальше за Анфалом и настиг его за Медвежьею горою, где беглец с товарищами своими устроил себе острог и бился из-за него с новгородцами; устюжане обманули Якова и в числе 2000 человек пришли на помощь к Анфалу и бились с новгородцами крепко на реке Сухоне, у порога Стрельного: Яков победил, убил 400 человек устюжан и дружины Анфаловой, но сам Анфал убежал в Устюг. Это было уже в 1399 году; но еще в предыдущем 1398 новгородцы, несмотря на свои успехи, отправили к великому князю архимандрита, посадника, тысяцкого и двоих житых людей со вторичною просьбою о мире и получили его на старинных условиях.

Но в Москве не могли забыть неудачи относительно Заволоцкого края, не могли забыть и того, что владыка Иоанн благословил новгородцев на войну с великим князем. В 1401 году владыка был позван к митрополиту Киприану в Москву для святительских дел, но был задержан там и пробыл в наказании и смирении с лишком три года. В то же время на Двине возобновлена была прежняя попытка: известный нам Анфал Никитин с братом Герасимом,

которому удалось выбежать из новгородского монастыря, с полками великокняжескими явились неожиданно в Двинской земле и взяли ее всю на щит, жителей посекали и повешали, имение их забрали, захватили и посадников двинских; но трое из них, собравши вожан, нагнали Анфала и Герасима, бились с ними на Холмогорах и отняли у них бояр новгородских. В то же время великий князь послал двоих бояр своих с 300 человек в Торжок, где они захватили двоих бояр новгородских и взяли имение их, хранившееся в церкви. Как шли дела дальше, неизвестно; в 1402 году великий князь отпустил бояр новгородских, захваченных в Торжке, а в 1404 отпущен был и владыка Иоанн. Потом, под 1406 годом, встречаем известие о приезде в Новгород князя Петра, брата великокняжеского; в 1408 году великий князь послал наместником в Новгород брата своего Константина, чего уже давно не бывало. Анфал Никитич не беспокоил более владений новгородских: в 1409 году он пошел с вятчанами Камою и Волгою на город Болгары, но был разбит татарами и отведен в Орду; избавившись от плена, он явился опять в Вятку, но был здесь убит другим новгородским беглецом, Разсохиным, в 1418 году. Этот Разсохин шел по следам Анфала относительно Новгорода; в 1417 году из Вятки боярин князя Юрия Димитриевича, Глеб Семенович, с новгородскими беглецами — Жадовским и Разсохиным, с устюжанами и вятчанами наехали в насадах без вести на Заволоцкую землю и повоевали волости Борок, Емцу и Холмогоры, захватили и двоих бояр новгородских. Но четверо других бояр новгородских нагнали Глеба Семеновича и отбили свою братью со всеми другими пленниками и добычею, после чего четверо воевод новгородских пошли с заволочанами в погоню за разбойниками и пограбили Устюг. Это

было последнее враждебное столкновение Москвы с Новгородом в княжение Василия Димитриевича, который первый ясно показал намерение примыслить к Москве Заволоцкие владения. Овладевши Нижним Новгородом с помощью тамошних бояр, великий князь попытался сделать то же самое и в Двинской области; первая попытка была неудачна, но московский князь, верный преданиям своего рода, повторяет попытку, не упускает из виду раз намеченной цели. Почетный прием, оказанный новгородцами в 1419 году князю Константину Димитриевичу, поссорившемуся со старшим братом, как видно, не имел неприятных следствий для Новгорода.

Следы внутреннего разделения в Новгороде, разделения между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: в 1418 году какой-то простолюдин Степан схватил боярина Даниила Ивановича и стал кричать прохожим: «Господа, помогите мне управиться с этим злодеем!» Прохожие кинулись на Даниила, поволокли его к толпе, собравшейся на вече, и стали бить; наконец полумертвого Даниила свели с вече и сбросили с моста; но один рыбак, Личков сын, захотел ему добра и взял на свой челн; народ разъярился на рыбака и разграбил его дом, а сам он успел скрыться. Дело этим не кончилось, потому что боярин Даниил хотел непременно отомстить Степану: он схватил его и стал мучить. Когда разнеслась в народе весть, что Степан схвачен, то зазвонили вече на дворе Ярославовом, собралось множество народа, и несколько дней сряду кричали: «Пойдем на этого Даниила, разграбим его дом!» Подняли доспехи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, где разграбили дом Даниилов и много других домов, а на Яневой улице пограбили берег. Тогда козмодемьянцы, боясь, чтоб не было с ними чего

хуже, решились выпустить Степана и, пришедши к архиепископу, стали умолять его, чтоб вступился в дело и послал к людскому собранию; святитель исполнил их просьбу и послал священника козмодемьянского вместе со своим боярином, которые и освободили Степана. Но и этим дело не кончилось: народ встал, как пьяный, на другого боярина, Ивана Иевлича, разграбил его дом на Чудинцевой улице и много других домов боярских, мало того, разграбили и Никольский монастырь на поле, говоря, что тут житницы боярские; потом, в то же утро, разграбили много дворов на Люгоще улице, говоря, что там живут их супостаты, пришли было и на Прусскую улицу, но жители ее отбили от грабителей, и это послужило поводом к большому смятению. Вечники прибежали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софийская сторона хочет на них вооружиться и дома их грабить, начали звонить по всему городу — и вот с обеих сторон толпы повалили в доспехах на большой мост, стали уже и падать мертвые: одни от стрел, другие от лошадей; в то же самое время страшная гроза разразилась над городом с громом и молнией, дождем и градом; ужас напал на обе стороны, и многие начали уже переносить имение свое в церкви. Тогда владыка Симеон пошел в церковь св. Софии, облачился, велел взять крест и образ Богородицы и пошел на большой мост, за ним следовали священники, причет церковный и толпа народу. Многие добрые люди плакали, говоря: «Да укротит господь народ молитвами господина нашего святителя!»; другие, припадая к ногам владыки, с плачем говорили: «Иди, святитель, благослови народ, да утишит господь твоим благословением усобную рать!»; а иные прибавляли: «Пусть все зло падет на зачинщиков!» Между тем крестный ход, не смотря на тесноту от вооруженных людей,

достиг большого моста; владыка стал посреди него и начал благословлять крестом на обе стороны: тогда одни, видя крест, начали кланяться, другие прослезились; от Софийской стороны пришел старый посадник Федор Тимофеевич и стал просить владыку, чтоб установил народ; владыка послал духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодьякона на двор Ярославов к св. Николу отнести благословение степенному посаднику Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу и сказать им, чтоб расходились по домам. Те отвечали: «Пусть святитель прикажет своей стороне разойтись, а мы здесь своим, по его благословению, приказываем то же самое», и таким образом все разошлись.

Мы видели, как дорого поплатились новгородцы за своих ушкуйников при Дмитрии Донском; это заставляло их строго смотреть, чтоб шайки людей, обремененных долгами, холопей, рабов не собирались в их волостях и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и к ссоре Новгорода со Псковом в 1390 году. Пошли новгородцы с войском ко Пскову под предводительством князя Семена Олгердовича и стали на Солце. Но тут явились к ним послы псковские и заключили мир с обязательством не вступаться за должников, холопей и рабов, которые ходили на Волгу, но выдавать их. Ушкуйничество, впрочем, не прекратилось: под следующим же годом встречаем известие, что новгородцы, устюжане и другие собрались и пошли в насадах и ушкуях рекою Вяткою и Камою, взяли Жукотин, Казань, выплыли потом на Волгу и пограбили всех гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковом: в 1394 году новгородцы пошли с войском ко Пскову и стояли под ним 8 дней; был у них бой с псковичами, где они потерпели неудачу и принуждены были ночью бежать домой,

побросавши свои стенобитные орудия. Несмотря, однако, на свое торжество, псковичи не хотели продолжать войны со старшим братом и отправили послов в Новгород; но на этот раз послы возвратились без мира; через два года явились в Новгород новые знатные послы из Пскова и били челом владыке Иоанну: «Чтоб ты, господин, благословил детей своих Великий Новгород, чтобы господин наш Великий Новгород нелюбе нам отдал и принял бы нас в старину». Владыка благословил детей своих: «Вы бы, дети, мое благословение приняли, псковичам нелюбе отдали и свою братью младшую приняли по старине; потому что, дети, последнее время приходит, надобно христианам быть заодно». Новгородцы послушались и заключили мир по старине.

Но если после этого не было войны между Новгородом и Псковом, зато не было и единодушного союза между ними, какого желал владыка; и после псковский летописец постоянно жалуется, что новгородцы не помогают псковичам. Отношения между старшим и младшим братом были таковы, что они не могли действовать заодно; но этот недостаток единства между ними пролагал московским князьям путь к усилению своей власти, к собранию Русской земли. Действительно, по словам новгородского владыки, приходило теперь последнее время, но последнее время для особого существования Новгорода, Пскова и других русских волостей. Угрожаемый немцами и Литвою, оставляемый без помощи Новгородом, Псков должен был обратиться к сильному князю московскому, который теперь имел возможность заняться его делами, и вот с последнего года XIV века во Пскове происходит важная перемена: он начинает принимать князей от руки великого князя московского. Таким образом, сын Донского примыслил богатые волости на

берегах Оки и Волги, утвердил свое влияние во Пскове, заставил новгородцев держать свое княжение честно и грозно, потому что грозил постоянно их богатым колониям заволоцким. Рязань и Тверь, слабые, волнуемые усобицами, не могли и думать о борьбе с Москвою, но все более и более подчинялись ее влиянию. В 1402 году великий князь московский Василий от имени всех родичей заключил договор с великим князем рязанским Федором Ольговичем. В этом договоре московский князь делит своих родичей на два разряда — братьев младших и братьев меньших. Великий князь рязанский обязывается держать великого князя московского старшим братом, младших его братьев равными себе братьями, меньших братьев младшими. Обязывается не приставать к татарам; выговаривает себе право отправлять посла в Орду с подарками, право принять у себя татарского посла с честью для добра христианского; но при этом обязывается давать знать в Москву, если вздумает послать киличея, равно как передавать в Москву все вести ордынские. Не раз было упомянуто о наследственной вражде между великими князьями — рязанским и пронским; московский князь ставит себя посредником между ними и вносит в договор следующее условие: «С князем великим Иваном Владимировичем (пронским) взять любовь по прежним грамотам, а если учинится между вас какая обида, то вам послать бояр своих для решения спора, если же они не решат, то третий (судья) им митрополит: кого митрополит обвинит, тот и должен отдать обидное; а не отдаст, то я, великий князь Василий Димитриевич, заставлю его исправиться». Московский князь обязывает рязанского помириться с князьями новосильским и торусским по прежним грамотам и жить с ними без обиды. Если случится у этих князей спор

Великий князь Василий Дмитриевич.
Миниатюра из «Титулярника»

с князем рязанским о земле или о воде, то решают его бояре, высланные с обеих сторон; если же бояре не уладятся, то избирают третьего судью, приговор которого приводится в исполнение князем московским. Если князь литовский Витовт захочет любви с князем рязанским, то последний может взять с ним любовь, но только по думе с князем московским. Но, несмотря на посредничество московского князя, вражда между князьями рязанским и пронским не стихла: в 1408 году князь Иван Владимирович пронский пришел нечаянно с татарами и выгнал из Рязани князя Федора Ольговича, который бежал за Оку. Московский князь послал на помощь к изгнанному воевод коломенского и муромского; на реке Смядве встретились они с пронским князем и были разбиты. Несмотря, однако, на эту победу, пронский князь уступил Рязань опять Федору, вероятно вследствие угрозы князя московского.

В 1399 году умер тверской князь Михаил, последний опасный соперник московского князя. Договорная грамота его с сыном Донского дошла до нас: в ней отношения князя тверского к московскому и его братьям не определены родовыми счетами. Тверской князь обязывается за себя, за детей своих, за внучат и за племянников не искать ни Москвы, ни великого княжения Владимирского, ни Великого Новгорода; обязывается быть заодно с московским князем на татар, на литву, на немцев и ляхов. Если на московских князей нападут татары, литва, немцы или поляки и сам Василий с братьями сядет на коня, то Михаил обязан послать к ним на помощь двоих сыновей да двоих племянников; если же татары, литва или немцы нападут на Тверское княжество, то московский князь обязан сам идти на помощь к Михаилу со своею братею. Эта разница в обязательствах объ-

ясняется старостию Михаила относительно Василия. Тверской князь обязан объявить Витовту литовскому, что он один человек с московским князем. К Орде тверскому князю путь чист, равно его детям, внучатам и людям. В первый раз московский князь упоминает о князьях, которых ему или его младшей брате Бог поручил: если кто-нибудь из них отъедет к тверскому князю, то их вотчины остаются за московским князем.

Распределение Тверских волостей между сыновьями, сделанное князем Михаилом, замечательно, и здесь ясно обнаруживается намерение завещателя увеличить власть старшего брата пред волостями младших, чтоб сделать восстание последних и усобицы невозможными: старший сын Михаила, Иван, получил Тверь с семью городами, а двое других сыновей, Василий и Федор, — только по два города. Мир, господствовавший в Тверских волостях в продолжение 25 лет по окончании борьбы с Москвою, дал Михаилу досуг обратить свою деятельность на устроение внутреннего наряда; в княжение его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговые злые тамги истребились, о насилиях и грабежах нигде не было слышно; вообще о Михаиле встречаем в летописях такой отзыв: был он крепок, сановит и смышлен, взор имел грозный и дивный.

Новый тверской князь Иван Михайлович, по обычаю, немедленно же хотел воспользоваться полученными от отца средствами для приведения в свою волю младших братьев. Тверские бояре великокняжеские начали обижать удельных князей. Василий Михайлович кашинский пришел к своей матери, великой княгине Евдокии и стал говорить ей: «Бояре брата нашего крестное целование к нам сложили, тогда как они клялись отцу нашему — хо-

теть нам добра». Великая княгиня тотчас же отправила своих бояр с боярами младших сыновей к старшему. Но Иван велел им прямо сказать, что бояре тверские сложили к ним крестное целование по его приказу, и начал с тех пор сердиться на мать, братьев и племянника. Но мать последнего, вдова Бориса Михайловича, взяла сына, боярина Воронца и явилась в Тверь к великому князю с оправданием, что она не посылала своих бояр вместе с другими удельными. Эта лукавая лесть, по выражению летописца, понравилась Ивану; он отнял у брата Василия кашинского Луское озеро и отдал его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василий чрез владыку тверского Арсения просил у брата общего суда. Скоро Иван успел примыслить новую волость к своей отчине: в 1402 году умер двоюродный брат его Иван Всеволодович холмекий и мимо родного брата Юрия отказал свой удел сыну великого князя Александру; в следующем году этот Александр выгнал дядю Василия Михайловича из Кашина. Тот убежал в Москву, и великий князь успел на этот раз помирить его со старшим братом; но чрез год, когда кашинский князь приехал за чем-то в Тверь к старшему брату, то последний велел схватить его вместе с боярами; двоюродный брат их Юрий Всеволодович, боясь такой же участи, убежал в Москву; неизвестно, что заставило Ивана выпустить своего пленника и поцеловать с ним крест; но через месяц кашинский князь был уже в Москве, и тверские наместники сидели в Кашине, угнетая его жителей продажами и грабежом.

Между тем Юрий Всеволодович холмекий все жил в Москве и вдруг в 1407 году поехал в Орду искать великого княжения Тверского под двоюродным братом своим Иваном. Последний, узнав об этом, также отправился в Орду судиться с Юрием;

но легко было предвидеть, кто из двух будет оправдан на этом суде — богатый ли Иван или безземельный Юрий? Все князья ордынские, говорит летописец, оправдали князя Ивана Михайловича и с честью отпустили его в Тверь, а Юрий остался в Орде. В 1408 году поднялась вражда между князем Иваном Михайловичем и племянником его Иваном Борисовичем: услышав о приближении дяди с войском к Кашину, Иван Борисович бежал в Москву, и в Кашине сели наместники великого князя тверского, т. е., как надобно полагать, в той части Кашина, которою владел Иван Борисович, ибо тут же сказано, что князь Иван Михайлович заключил мир с братом своим, Василием кашинским. Мир этот, однако, продолжался не более трех лет: в 1412 году князь Иван Михайлович тверской велел схватить брата своего Василия Михайловича кашинского вместе с женою, боярами и слугами; княгиню велел отвезти в Тверь, а самого Василия Михайловича в Старицу; но при переправе через реку Тмаку, когда все провожатые сошли с лошадей, князь в одном терлике, без кивера погнал свою лошадь вброд, переправился через реку и потом поскакал по неезжалым дорогам; в одном селе посчастливилось ему найти преданного человека, который заботился об нем, укрывал в лесу, перенимал вести и, улучив наконец удобное время, убежал с князем в Москву.

В это самое время явился из Орды в Тверь посол лютый звать князя Ивана к хану; тот поехал, но еще прежде него отправился в Орду из Москвы брат его Василий, прежде и возвратился и попытался было овладеть Кашином с татарами; но князь Иван Борисович с тверскою заставою не пустил его в город. Это показывает, во-первых, что Василий успел склонить хана на свою сторону, ибо тот дал ему татар в

помощь, во-вторых, видим, что князь Иван Борисович помирился уже со старшим дядею и действовал за него. Скоро перемена хана в Орде переменяла и дела тверские: враждебный князю Ивану Михайловичу хан Зелени-Салтан был убит, и преемник его отпустил тверского князя с честью и пожалованием.

Этим оканчиваются известия о тверских делах в княжение Василия Дмитриевича. Дела ордынские и литовские мешали московскому князю пользоваться тверскими уобицами; сначала князь Иван Михайлович был в союзе с Москвою и послал полки свои на помощь Василию Дмитриевичу против Витовта к реке Плаве; но тут московский князь скрыл свои переговоры с Витовтом от князей и воевод тверских; кроме того, в договорной грамоте с литовским князем написал имя тверского великого князя ниже имен родных братьев своих Дмитриевичей, вследствие чего тверичи с гневом ушли домой, и князь их с тех пор перестал помогать Москве. Несмотря на то, однако, он не смел и думать об открытой борьбе с Москвою. Опасение тверского князя затронуть могущественную Москву видно из того, что когда Эдигей во время осады Москвы послал звать его к себе на помощь с войском, то князь Иван показал вид, что послушался приказа, и поехал к Эдигею, только один, без войска; а потом под предлогом болезни возвратился с дороги. Тверской князь боялся князя московского наравне с ханом татарским; это всего лучше показывает значение Москвы при сыне Донского; несмотря на то, Василий Дмитриевич не мог еще смотреть на хана как только на равного себе владетеля. Мы видели, что в начале своего княжения московский князь ездил в Орду искать благосклонности Тохтамышша, с ярлыком которого овладел Нижним. Между тем летопи-

си говорят о нападениях татар на Рязань: два раза пустошили они это пограничное с степью княжество безнаказанно, в третий были побиты князем Олегом; в 1391 году Тохтамыш послал царевича Бектута, которому удалось взять Вятку; как видно, этот поход был предпринят с целию отомстить вятчанам за их ушкуйничество. Более важных предприятий нельзя было ожидать со стороны Тохтамышша, потому что к смятениям внутренним присоединялась еще борьба с Тамерланом. В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхановы: сын небогатого чагатайского князька, Тимур, или Тамерлан, начал в половине XIV века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. Ему был обязан Тохтамыш престолом Кипчакским, но не хотел быть благодарным и вооружился против Тамерлана. В 1395 году на берегах Терека Тохтамыш потерпел поражение и принужден был спасаться бегством в лесах болгарских, а Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестную страну. Нападение не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время приготовиться: он собрал большое войско и стал на границе своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался врага; простоявши 15 дней в земле Рязанской, Тамерлан вышел из русских пределов в тот самый день, когда москвичи встретили образ Богородицы, принесенный из Владимира.

После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю; в продолжение 12 лет летописец раза три упоминает только о пограничных сшибках хищнических отрядов татарских с рязанцами, причем успех большею частию оставался на стороне последних. Несколько ханов переменялось в Орде, а великий князь

Битва Тамерлана с египетским царем. Дворец Гулистан,
Тегеран. Иран

московский не думал не только сам ездить к ним на поклон, но даже не посылал никого: на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми, тогда как татарская дань с двух сох по рублю шла в казну великокняжескую. Наконец, обращение с татарами переменялось в областях московских: над послами и гостями ордынскими начали смеяться и мстить им за прежнее разными притеснениями. В это время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заведовал князь Эдигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями; наконец решился напомнить ему о себе. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмелился явно напасть на Москву; только от хитрости и тайны ждал он успеха; дал знать великому князю, что хан со всею Ордою идет на Витовта, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве. Василий Дмитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича да братьев своих Андрея и Петра Дмитриевичей, а сам с княгиней и детьми уехал в Кострому. Жители Москвы смутились, от страха побежали в разные стороны, не заботясь об имени, чем воспользовались разбойники и воры и наполнили руки свои богатством. Посады были уже выжжены, когда явились татары Эдигеевы и со всех сторон облегли город. Остановившись у Москвы, Эдигей разослал в разные стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Новгород Нижний, Городец, Клин; много народу погибло от татар, много и от жестокого холоду и выюг. Тридцатичетырехтысячный отряд послан был в погоню за великим князем, но не успел догнать его. Между тем Эдигей стоял спокойно под Кремлем; он не делал приступов, а хотел зимовать и принудить к сдаче голодом; уже месяц стоял Эдигей под

Москвою, как вдруг пришла к нему весть из Орды от хана, чтоб шел немедленно домой, потому что какой-то царевич напал на хана. Осажденные ничего не знали об этом, и когда Эдигей прислал к ним с мирными предложениями, то они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспешно поднялся и вышел из русских пределов, взявши по дороге Рязань (1408 г.).

Но и после нашествия Эдигеева московский князь три года не ездил в Орду; только в 1412 году, когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Дмитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами. Это последнее известие об отношениях Москвы к Орде в княжение Василия Дмитриевича; после встречаем только известия о нападениях татарских на пограничные со степью русские области.

Опаснее была Литва. Когда еще в 1386 году Василий Дмитриевич спасался бегством из Орды от Тохтамыша, то направлял путь к западным странам, свободным от татарского влияния; сначала он укрывался в Молдавии, а оттуда пробирался в Москву чрез литовские владения; известия разногласят насчет того, где именно Василий встретился с Витовтом, но согласны в том, что молодой московский князь дал или принужден был дать Кейстутову сыну слово жениться на его дочери Софии. Слово было сдержано, как только Василий стал великим князем: в 1390 году трое бояр великокняжеских привезли невесту в Москву из владений Ордена, где жил тогда Витовт. Но эта близкая родственная связь не принесла Москве никакой пользы, когда Витовт, помирившись с Ягайлом, стал великим князем литовским и начал стремить-

*Великий князь Василий I Дмитриевич
и великая княгиня Софья Витовтовна.
Фрагмент большого саккоса митрополита Фотия*

ся к увеличению своих владений, ибо это увеличение единственно могло произойти через покорение областей Руси Восточной.

Сначала Орден не давал Витовту досуга обратить свое внимание на восток; великий магистр Конрад фон Юнгинген хотел воспользоваться борьбою между Ягайлом и младшим братом его, Свидригайлом Олгердовичем витебским, и в 1394 году осадил Вильну. Но, несмотря на многочисленность осаждавших, их искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерию, осажденные отбивались с таким мужеством, что магистр, потеряв треть войска, принужден был снять осаду и заключить мир с Витовтом, чтоб только беспрепятственно выйти из Литвы. Мир с немцами дал Витовту возможность обратить внимание на восток и примыслить важную волость Смоленскую. В Смоленске происходила в это время сильная усобица между князем Юрием Святославичем и братьями его за уделы и за то, что ни один брат не хотел служить другому. Князь Юрий был принужден уехать из Смоленска к тестю своему князю Олегу рязанскому, а Витовт спешил воспользоваться этим обстоятельством; литовский князь распустил слух, что идет на татар, — вместо того вдруг явился под Смоленском. Один из князей, Глеб Святославич, выехал к нему навстречу с небольшою дружиною, был принят с честью, отпущен с миром, причем Витовт велел сказать остальным князьям: «Слышал я, что между вами нет единства и вражда большая; так если будет между вами какой спор, то вы сошлитесь на меня как на третьего, и я вас рассужу справедливо». Смоленские князья обрадовались, что нашелся беспристрастный третий судья: все они собрались и поехали к Витовту с дарами; но Витовт, взявши дары, велел перехватывать всех князей и отослал их в Литву,

потом подступил к городу, пожег посады, взял крепость и посадил здесь своих наместников (1395 г.).

Но старший из смоленских князей, Юрий, оставался на свободе, в Рязани, и в конце 1395 года тесть его Олег вместе с ним и другими князьями опустошил литовские владения; но еще не успел Олег возвратиться в Рязань, как услышал, что Витовт пустошит его собственные волости. Тогда, оставив свою добычу в надежном месте, Олег ударил врасплох на литовцев, рассеявшихся для грабежа, и поразил их; Витовт испугался и ушел домой. Великий князь московский при всех этих событиях явно держал сторону тестя: в 1396 году он ездил на свидание с ним в Смоленск, а когда рязанский князь снова вошел с полками в землю Литовскую и осадил Любутск, то Василий отправил к нему посла и отвел его от того города. Потом, когда Витовт вошел в рязанские владения и пролил здесь кровь, как воду, по выражению летописей, то из Москвы не было ему никакого препятствия, напротив, зять встретил его в Коломне, поднес дары и оказал большую честь. Мы видели, что в 1397 году оба князя, и московский и литовский, заодно посылали требовать от новгородцев, чтоб те разорвали мир с немцами; но тогда же московский князь мог узнать, какого союзника он имел в своем тесте, ибо в то же время Витовт требовал от новгородцев, чтобы те поддались ему; получивши отказ, он послал в 1399 году в Новгород грамоту разметную (объявление войны) и велел сказать новгородцам: «Вы меня обесчестили: что было вам мне поддаться, а мне было вашим князем великим быть и вас оборонять; но вы мне не поддались». Но не один Витовт объявлял свои притязания на Новгород: еще в 1389 году приехал туда князь Симеон-Лугвений Олгердович, был

принят новгородцами с честью и дал брату своему королю Ягайлу следующую запись: «Так как господин Владислав (Ягайло), король польский, литовский, русский и иных земель многих государь, поставил нас опекуном над мужами и людьми Великого Новгорода, то мы королю и Ядвиге королеве вместе с новгородцами обещались и обещаемся, пока держим Новгород в нашей опеке, быть при короне Польской и никогда не отступать от нее».

Намерение Витовта овладеть Новгородом обнаруживается и в договоре его с Орденом в 1398 году; здесь Витовт обещался Ордену помогать ему в завоевании Пскова, за что Орден со своей стороны обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но война с последним была отложена, потому что Витовт обратил внимание на дела ордынские, вмешательство в которые обещало ему выгоды более важные. По удалении Тамерлана на юг Тохтамыш попытался было снова утвердиться в Золотой Орде, но был изгнан ханом Темир-Кутлуем (Kotlogh-Timur) и отдался в покровительство Витовту, который обещал ему возвратить Кипчак с тем, чтобы Тохтамыш потом помог ему овладеть Москвою.

В 1399 году Витовт собрал огромное войско; кроме руси, литвы, жмуди и татар Тохтамышевых здесь были полки волошские, польские и немецкие, ибо и находившийся тогда в мире с Витовтом великий магистр Ордена прислал ему отряд войска. Перед выступлением в поход к Витовту явились послы от Темира-Кутлуя. «Выдай мне беглого Тохтамыша, — велел сказать ему хан, — он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша: нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра

все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел отвечать на это: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам». На берегах Ворсклы произошло это свидание, в поле чистом, в земле Татарской. Но перед битвою начались опять переговоры; Темир-Кутлуй послал сказать Витовту: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Витовт велел отвечать: «Бог покори мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброки; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу». Испуганный хан соглашался на все требования Витовта, который, видя такую уступчивость, начал требовать, чтоб на деньгах ордынских чеканилось клеймо литовского князя; хан просил три дня срока подумать. Но в это время пришел к нему Эдигей; старик, узнавши об условиях, сказал хану: «Лучше нам умереть, чем согласиться на них», — и послал к Витовту требовать личных переговоров; литовский князь выехал на берег Ворсклы, и Эдигей стал ему говорить с другого берега: «По праву взял ты нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод; но я старше еще тебя, так следует тебе быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах». Витовт рассвирепел и велел немедленно полкам своим сходитьсь на битву. Сначала полки Витовтовы схватились с полками Эдигеевыми; витовтова рать крепко боролась, падали стрелы как дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но в это время обошли кругом полки Темир-Кутлуевы, вступили в битву и одолели силу литовскую. Тохтамыш

первый обратился в бегство и в этом бегстве много народа побрал и много Литовской земли пограбил. Победители взяли весь обоз Витовта, который едва успел убежать с небольшою дружиною; татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева: ставши под этим городом, Темир-Кутлуй распустил свою силу воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути. Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь заплатил от себя 30 рублей, и хан ушел в степи, оставив Литовскую землю в плаче и скудости.

Битва Куликовская возвестила падение татарского владычества в Восточной Европе; Мамай пришел на Дон с целию напомнить Руси Батюга, восстановить порядок вещей, утвердившийся после сражения при Сити; Мамай был побежден, и битва при Ворскле показала ясно следствия этой победы: Темир-Кутлуй пришел не нападать, но защищаться от замыслов одного из государей Восточной Европы; татары победили, но какие же были следствия этой победы? Опустошение некоторой части литовских владений — и только! Темир-Кутлуй должен был удовольствоваться тем, что освободился от страха пред Тохтамышем. Важность битвы при Ворскле для судеб Восточной Европы не подлежит сомнению: конечно, нельзя несколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша над Темир-Кутлуем имело бы необходимым следствием подчинение Москвы и остальных княжеств Восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москве от этого торжества грозила большая.

Витовт приутих и заключил с новгородцами мир по старине в 1400 году. В то же время и смольняне, которым тяжело было господство литовское, завели сношения

с родным князем своим, Юрием Святославичем, жившим по-прежнему у тестя в Рязани. Юрий пришел к Олегу и стал говорить ему со слезами: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей; сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине и дедине моей, на великом княжестве Смоленском». И вот в 1401 году Олег вместе с Юрием, князьями пронским, муромским и козельским отправился к Смоленску: время он улучил удобное, потому что Витовт оскудел тогда до конца людьми после побоища при Ворскле, и в Смоленске была крамола: одни хотели здесь Витовта, а другие — своего отчича, старинного князя Юрия. Пришедши под Смоленск, Олег велел повестить его жителям: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню; выбирайте между животом и смертию». Смольняне сдались, и многие из них были рады князю своему Юрию, но другие ненавидели его. Вошедши в город, Юрий начал тем, что убил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича брянского, с его боярами, а потом перебил и смоленских бояр, преданных Витовту, Олег, возвративши зятю его отчину, не был этим доволен, но вошел со всем войском в литовские владения и возвратился оттуда с большою добычею.

В августе месяце утвердился в Смоленске Юрий, а осенью того же года Витовт уже стоял с полками под этим городом, где поднялась сторона, ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ее приверженцев, и Витовт, простоявши четыре недели понапрасну, заключил перемирие и отступил от Смоленска. Следующий 1402 год был счастливее для Витовта: сын рязанского князя Родослав Ольгович